

Документ 124. ОТРОЧЕСТВО ИИСУСА

ХОТЯ Александрия могла бы предоставить Иисусу лучшие возможности для получения образования, чем Галилея, он был бы лишен столь замечательного окружения, позволявшего ему справляться с жизненными трудностями при минимальной помощи образования и, вместе с тем, дававшего огромные преимущества, которые заключались в возможности постоянно общаться со множеством мужчин и женщин всех слоев общества и со всех концов цивилизованного мира. Если бы он остался в Александрии, он получил бы образование под руководством евреев и исключительно в еврейском духе. Образование и воспитание, полученные им в Назарете, в большей мере подготовили его к пониманию иноверцев и дали ему лучшее и более взвешенное представление об относительных достоинствах восточной, или вавилонской, и западной, или эллинской, школ иудейской теологии.

1. ДЕВЯТЫЙ ГОД ИИСУСА (3 ГОД Н. Э.)

Хотя едва ли было бы верным сказать, что Иисус когда-либо серьезно болел, в этом году он вместе со своими братьями и маленькой сестрой перенес некоторые легкие детские заболевания.

Учеба в школе шла своим чередом, и он по-прежнему был привилегированным учеником, каждый месяц получавшим одну свободную неделю. Иисус продолжал почти поровну делить это время между поездками в соседние города с отцом, посещениями фермы своего дяди к югу от Назарета и поездками на рыбалку из Магдалы.

Самая серьезная неприятность из приключившихся до сих пор в школе произошла в конце зимы, когда Иисус осмелился возразить хазану по поводу учения о том, что все изваяния, изображения и рисунки в своей сущности являются идолопоклонством. Иисус очень любил рисовать пейзажи и лепить из глины самые разнообразные предметы. Еврейский закон строго запрещал любые подобные вещи, но вплоть до этого времени ему удавалось столь обезоруживающе отвечать на возражения родителей, что они позволяли ему продолжать заниматься этим.

Однако очередной скандал поднялся в школе после того, как один из отсталых учеников увидел, что Иисус рисует углем портрет учителя на полу классной комнаты. Там этот портрет и оставался, в чём мог убедиться каждый желающий. Многие из старейшин осмотрели рисунок, прежде чем школьный комитет вызвал Иосифа и потребовал, чтобы тот принял меры для пресечения беззаконий своего старшего сына. И хотя Иосифу и Марии уже приходилось выслушивать жалобы на своего разностороннего и активного сына, это обвинение было наиболее серьезным из всех выдвинутых против него до сих пор. В течение некоторого времени Иисус слушал вердикт по поводу своих художественных занятий, сидя на большом камне, который стоял у задней двери. Его возмутило, что в его мнимых проступках

обвиняли отца. Поэтому он вошел в помещение и бесстрашно предстал перед своими обвинителями. Старейшины оказались в неловком положении. Некоторые

склонялись к тому, чтобы отнестись к происшедшему с юмором, в то время как один или двое считали, что поведение мальчика является святотатством, если не богохульством. Иосиф растерялся, Мария негодовала, но Иисус настаивал на том, чтобы его выслушали. Он получил слово, мужественно выступил в защиту своих взглядов и с предельным самообладанием заявил, что будет подчиняться решениям отца по этому и всем другим спорным вопросам. И комитет старейшин разошелся в молчании.

Мария убеждала Иосифа позволить Иисусу заниматься лепкой из глины дома с условием, чтобы тот обещал не продолжать каких-либо сомнительных занятий в школе. Однако Иосиф чувствовал, что он вынужден принять решение о признании раввинского толкования второй заповеди. Поэтому, начиная с того дня и до тех пор, пока он не покинул дом своего отца, Иисус не рисовал и не лепил никаких фигурок. Но его так и не удалось убедить в том, что он неправ, и отказ от столь любимого занятия был одним из самых серьезных испытаний в его юной жизни.

Во второй половине июня Иисус, вместе со своим отцом, впервые поднялся на вершину горы Фавор. Стоял ясный день, и зрелище было великолепным. Девятилетнему мальчику действительно казалось, что он видит весь мир, кроме Индии, Африки и Рима.

Вторая сестра Иисуса, Марфа, родилась вечером в четверг, 13 сентября. Через три недели после появления Марфы Иосиф, который в то время был дома, начал возводить пристройку, являвшуюся одновременно мастерской и спальней. Небольшой верстак был сделан и для Иисуса, впервые получившего собственные инструменты. В течение многих лет в свободное время он работал за верстаком и научился мастерски изготавливать хомуты.

Эта и следующая зимы были в Назарете самыми холодными за многие десятилетия. Раньше Иисус видел снег, лежащий в горах; несколько раз снег выпадал в Назарете, где быстро таял. Однако только в эту зиму Иисус впервые увидел лед. То, что вода может существовать в твердом, жидком и газообразном состояниях — а он уже давно размышлял о паре, выходящем из кипящих котлов, — заставляло мальчика подолгу задумываться о физическом мире и его строении; и тем не менее заключенная в этом растущем юноше личность всё это время оставалась действительным создателем и организатором всех этих вещей во всей обширной вселенной.

Климат в Назарете не был суровым. Самым холодным месяцем был январь, когда средняя температура составляла 50°F. В течение июля и августа, наиболее жарких

месяцев, температура колебалась между 75 и 90°F. От гор до Иордана и долины Мертвого моря климат Палестины изменялся от холодного к знойному. Поэтому евреи, в известной мере, были подготовлены к жизни практически во всех без исключения климатических условиях, которые встречаются в мире.

Даже в самые теплые летние месяцы с 10 часов утра примерно до 10 часов вечера обычно дул прохладный ветер с запада. Однако то и дело на всю Палестину обрушивались сильные горячие ветры восточной пустыни. Обычно это происходило в феврале и марте, ближе к концу сезона дождей. В те времена освежающие ливни шли с ноября по апрель, но дожди не были постоянными. В Палестине было только два времени года — лето и зима, сухой и влажный сезоны. Цветы начинали цвести в январе, и к концу апреля вся земля превращалась в один сплошной цветочный сад.

В мае этого года Иисус впервые участвовал в уборке зерновых на ферме своего дяди. К тринадцати годам он успел познакомиться практически со всем, чем занимались мужчины и женщины в округе Назарета, кроме работы по металлу, и

он провел несколько месяцев в кузнице в более старшем возрасте, после смерти своего отца.

Когда в работе и движении караванов наступал мертвый сезон, Иисус совершал многочисленные поездки со своим отцом — по делам или ради развлечения — в соседние Кану, Ен-Дор и Наин. Еще ребенком он часто посещал Сепфорис, находившийся на расстоянии чуть более трех миль к северо-западу от Назарета и с 4 года до н. э. до 25 года н. э. являвшийся столицей Галилеи и одной из резиденций Ирода Антипы.

Иисус продолжал расти в физическом, интеллектуальном, социальном и духовном отношениях. Его поездки в другие места способствовали лучшему пониманию и более великодушному отношению к своей собственной семье, и к этому времени даже его родители не только учили его, но и сами начинали учиться у него. Уже юношей Иисус был самобытным мыслителем и талантливым учителем. Он постоянно сталкивался с так называемым «неписаным законом», однако всегда пытался приспособиться к порядкам, принятым в их семье. Он поддерживал хорошие отношения с детьми своего возраста, но его часто обескураживала их медлительность. Еще до того, как ему исполнилось десять лет, он стал вожакom группы из семи подростков, объединившихся в общество по развитию достоинств — физических, интеллектуальных и религиозных, — необходимых взрослым мужчинам. В кругу этих мальчиков Иисусу удалось ввести много новых игр и различные усовершенствованные методы активного отдыха.

2. ДЕСЯТЫЙ ГОД (4 ГОД Н. Э.)

Это случилось пятого июля, в первую субботу месяца, когда Иисус, гуляя в окрестностях с отцом, впервые высказал чувства и идеи, которые свидетельствовали о том, что он начинал осознавать необычный характер своей миссии. Иосиф внимательно выслушал знаменательные слова своего сына, однако почти никак на них не отреагировал и не раскрыл того, что ему было известно. На следующий день у Иисуса состоялся аналогичный, но более продолжительный разговор с матерью. Мария также выслушала высказывания своего сына, но и она ни о чём ему не рассказала. Прошло почти два года, прежде чем Иисус вновь заговорил со своими родителями о всё большем раскрытии в его сознании сущности его личности и характера его миссии на земле.

В августе он перешел в старшую школу при синагоге, где постоянно досаждал своими настойчивыми вопросами и всё чаще приводил весь Назарет в более или менее взбудораженное состояние. Его родители не хотели запрещать ему задавать эти возмущавшие спокойствие вопросы, и его главный учитель был чрезвычайно озадачен любознательностью мальчика, его пронизательностью и жадой знаний.

Товарищи Иисуса по играм не видели в его поведении ничего сверхъестественного; в целом, он был совершенно таким же, как и они. Его интерес к учебе был несколько выше среднего, но не являлся чем-то необычным. Он действительно задавал в школе больше вопросов, чем другие ученики его класса.

Наверное, самой необычной и примечательной особенностью его характера было нежелание силой отстаивать свои права. Так как он был хорошо развитым подростком для своих лет, его друзьям казалось странным, что он был несклонен защищать себя даже от несправедливостей или личных оскорблений. Правда, это не доставляло ему особых неприятностей благодаря дружбе с Иаковом — соседским мальчиком, который был на год старше его. Он был сыном каменщика — компаньона Иосифа. Иаков относился к Иисусу с огромным восхищением и следил за тем, чтобы кто-нибудь не вздумал воспользоваться отвращением Иисуса к

физическому противоборству. Несколько раз старшие и грубые подростки напали на Иисуса, рассчитывая на его покорность, однако они всегда получали быстрый и решительный отпор от рук его добровольного стража и верного защитника — Иакова, сына каменщика.

Иисус был общепризнанным вожаком назаретских подростков, исповедовавших высшие идеалы своего времени и поколения. Его молодые товарищи относились к нему с настоящей любовью — не только потому, что он был справедливым, но также благодаря его редкой отзывчивости, основанной на любви и сдержанном сострадании.

В этом году он стал явно тяготеть к обществу старших. Он любил обсуждать культурные, педагогические, общественные, экономические, политические и религиозные проблемы с более взрослыми людьми, причем глубина его рассуждений и острота наблюдений настолько покорила его старших товарищей, что они всегда с удовольствием встречались с ним. До тех пор, пока он не взял на себя ответственность за обеспечение семьи, родители постоянно пытались привлечь его к обществу сверстников — или тех, кто был ближе к его возрасту, — вместо более старших и знающих людей, которым он отдавал такое предпочтение.

Позднее в этом же году в течение двух месяцев он рыбачил со своим дядей в Галилейском море и добился больших успехов. Он стал опытным рыбаком еще до того, как достиг зрелого возраста.

Иисус продолжал развиваться физически; он являлся одним из лучших и привилегированных учеников; он был в хороших отношениях с младшими братьями и сестрами, обладая преимуществом в возрасте — Иисус был на три с половиной года старше следующего ребенка. Он пользовался хорошей репутацией в Назарете, не считая родителей некоторых наиболее нерадивых детей, которые часто говорили, что Иисус слишком дерзок и что ему не хватает должной скромности и юношеской сдержанности. Он обнаруживал растущую склонность направлять игры своих товарищей в более серьезное и разумное русло. Он был прирожденным учителем и просто не мог не вести себя как учитель, даже если он всего лишь участвовал в играх.

Уже в раннем возрасте Иосиф начал учить Иисуса различным видам заработка, объясняя преимущества земледелия перед ремеслами и торговлей. Галилея была более красивой и зажиточной страной, чем Иудея, и стоимость жизни составляла здесь лишь около четверти стоимости жизни в Иерусалиме и Иудее. Это была провинция сельскохозяйственных деревень и процветающих промышленных городов; здесь насчитывалось более двухсот городов с населением свыше пяти тысяч человек и тридцать городов более чем с пятнадцатитысячным населением.

К тому времени, когда Иисус впервые отправился со своим отцом на Галилейское море, чтобы познакомиться с рыболовным промыслом, он почти уже решил стать рыбаком. Однако лучше узнав ремесло отца, он впоследствии стал склоняться к профессии плотника, а еще позднее сочетание нескольких факторов позволило ему сделать окончательный выбор и стать религиозным учителем нового типа.

3. ОДИННАДЦАТЫЙ ГОД (5 ГОД Н. Э.)

В течение всего года мальчик продолжал совершать поездки вместе со своим отцом, но он часто посещал также ферму своего дяди и иногда отправлялся в Магдалу, чтобы порыбачить с тем дядей, который обосновался неподалеку от города.

Иосиф и Мария часто испытывали искушение как-то особо выделить Иисуса или каким-либо иным образом обнаружить свое знание того, что он является

заветным дитя, сыном предначертанной судьбы. Однако в этих вопросах оба родителя отличались чрезвычайной мудростью и прозорливостью. В тех редких случаях, когда они все-таки оказывали ему какое-то — пусть незначительное — предпочтение, юноша быстро отвергал любые знаки особого внимания.

Иисус проводил много времени в мастерской, которая обслуживала караваны; здесь, общаясь с путешественниками со всех концов мира, он приобрел огромную и поразительную для своего возраста информацию о международных событиях. Это был последний год, когда он мог свободно предаваться играм и юношеским забавам. Начиная с этого времени, трудности и ответственность стремительно возрастали в жизни этого юноши.

Вечером в среду, 24 июня 5 года н. э., родился Иуда. Рождение этого седьмого ребенка прошло с осложнениями. В течение нескольких недель Мария находилась в таком тяжелом состоянии, что Иосиф оставался дома. Иисус был загружен поручениями отца и многочисленными обязанностями, вызванными серьезной болезнью матери. С тех пор он уже не считал для себя возможным вернуться к беспечности, присущей его более раннему возрасту. Со времени болезни матери — незадолго до того, как ему исполнилось одиннадцать лет, — он был вынужден взять на себя ответственность старшего сына, причем сделать это на один или два полных года раньше, чем это бремя должно было бы лечь на его плечи.

Каждую неделю хазан проводил один из вечеров с Иисусом, помогая ему осваивать священные книги евреев. Он был чрезвычайно заинтересован в успехах своего многообещающего ученика и поэтому был готов всячески помогать ему. Еврейский педагог оказывал огромное влияние на этот крепнувший ум, однако для него оставалось полной загадкой, почему Иисус был столь равнодушен ко всем его предложениям относительно возможности переезда в Иерусалим для продолжения образования под началом ученых раввинов.

Примерно в середине мая Иосиф поехал вместе с Иисусом по делам в Скифополь — главный греческий город Декаполиса, древнееврейский город Беф-Сан. По дороге Иосиф рассказывал о многих событиях древней истории царя Саула, филистимлянах и последующих событиях бурной истории Израиля. Чистота и стройная планировка этого так называемого языческого города произвели на Иисуса громадное впечатление. Его поразили открытый театр и восхитил прекрасный мраморный храм для поклонения «языческим» богам. Иосиф был глубоко встревожен восторгом юноши и пытался свести на нет эти благоприятные впечатления, превознося красоту и величие иудейского храма в Иерусалиме. Иисус часто с любопытством смотрел на Скифополь с холма в Назарете и не раз

расспрашивал о его огромных общественных сооружениях и богато украшенных зданиях, однако отец всегда стремился уклониться от ответов на эти вопросы. Теперь же они оказались лицом к лицу с красотой города иноверцев, и Иосиф не мог, не роняя собственного достоинства, оставить расспросы Иисуса без внимания.

Случилось так, что в это время в амфитеатре Скифополя проходили ежегодные соревнования и показательные выступления мастеров физической культуры греческих городов Декаполиса, и Иисус стал упрашивать отца, чтобы тот позволил ему посмотреть игры. Его просьба была столь настойчивой, что Иосиф не решился ответить отказом. Мальчик пришел в восторг от игр и проникся духом атлетизма и спортивных умений. Иосиф был потрясен до глубины души, видя, как его сын восхищенно взирает на демонстрацию «языческого» тщеславия. Когда игры завершились, Иосиф был поражен, как никогда в своей жизни, после того как Иисус

заявил ему о своем одобрительном отношении к играм и предположил, что если бы юноши Назарета могли предаваться здоровым физическим упражнениям на свежем воздухе, это пошло бы им на пользу. Иосиф долго и откровенно говорил с Иисусом о порочности таких действий, однако он прекрасно понимал, что мальчик остался при своем мнении.

В тот вечер, в комнате гостиницы, Иисус единственный раз увидел своего отца рассерженным: в ходе их разговора мальчик настолько забыл о некоторых особенностях еврейских представлений, что предложил, чтобы они отправились домой и организовали строительство амфитеатра в Назарете. Когда Иосиф услышал из уст своего первенца столь нееврейские мысли, он потерял свою обычную сдержанность и, схватив Иисуса за плечо, гневно воскликнул: «Чтобы я никогда больше не слышал от тебя, сын мой, столь греховных речей!» Иисус был поражен этим взрывом эмоций со стороны своего родителя; никогда ранее не приходилось ему испытывать ту жгучую боль, которую вызвало негодование отца, и он был несказанно изумлен и потрясен. В ответ он сказал лишь: «Хорошо, отец мой, пусть будет так». И никогда впредь мальчик ни одним словом не упоминал об играх и других спортивных занятиях греков, пока был жив его отец.

Позднее Иисус увидел греческий амфитеатр в Иерусалиме и узнал, сколь ненавистными были такие вещи с еврейской точки зрения. Тем не менее, на протяжении всей своей жизни он стремился включить идею здорового отдыха в свои личные планы и, насколько позволял еврейский обычай, в программу регулярных занятий его двенадцати апостолов.

К концу одиннадцатого года Иисус представлял собой сильного, хорошо развитого и довольно веселого подростка. Однако, начиная с этого года, его всё чаще посещали характерные периоды глубокой задумчивости и серьезных размышлений.

Он много думал над тем, как исполнить обязательства по отношению к семье и одновременно следовать зову своей миссии в мире; он уже понял, что его миссия не ограничится воспитанием еврейского народа.

4. ДВЕНАДЦАТЫЙ ГОД (6 ГОД Н. Э.)

Этот год в жизни Иисуса был полон событий. Он продолжал делать успехи в школе и неумолимо исследовал природу. Одновременно с этим он уделял всё больше внимания изучению методов, с помощью которых люди зарабатывали себе на жизнь. Он начал регулярно работать в столярной мастерской и получил разрешение распоряжаться собственным заработком, что было большой редкостью в еврейской семье. В этом году он также научился молчать о подобных вещах за пределами семьи. Он начал понимать, чем именно он вызывал неприятности, и впредь становился всё более осмотрительным, скрывая всё, из-за чего его могли считать отличным от остальных товарищей.

В течение этого года он не раз переживал неуверенность, если не настоящие сомнения, относительно характера своей миссии. Естественно развивающийся человеческий разум не мог еще осознать всю реальность его двойной сущности. Факт обладания единой личностью мешал его разуму осознать двойное происхождение тех факторов, которые составляли его сущность, связанную с той же самой личностью.

С этого времени он стал лучше ладить с братьями и сестрами. Он становился всё более тактичным, всегда был участливым и внимательным к их благополучию и счастью и сохранял хорошие отношения с ними вплоть до начала своего

общественного служения. Точнее, наилучшие отношения связывали его с Иаковом, Мириам и двумя младшими (в то время еще не родившимися) детьми — Амосом и Руфью. Он всегда ладил с Марфой. Источником домашних неприятностей были для него трения в отношениях с Иосифом и Иудой, в особенности с последним.

Взяться за воспитание этого беспрецедентного сочетания божественного и человеческого начал было нелегким испытанием для Иосифа и Марии; честь им и хвала за столь преданное и успешное выполнение своих родительских обязанностей. Родители Иисуса всё больше осознавали, что в их старшем сыне присутствует нечто сверхчеловеческое, однако они и представить себе не могли, что это заветное дитя действительно и воистину является непосредственным создателем этой локальной вселенной вещей и существ. Иосиф и Мария жили и умерли, так и не узнав о том, что их сын Иисус на самом деле является Создателем Вселенной, воплотившимся в смертной плоти.

В этом году Иисус более, чем когда-либо, уделял внимание музыке и продолжал обучать дома своих братьев и сестер. Примерно в то же время юноша начал остро осознавать различие во взглядах Иосифа и Марии на характер его миссии. Он много размышлял о расхождении во взглядах своих родителей и часто слышал их беседы, когда они думали, что он уже давно спит. Он всё больше склонялся к мнению отца, поэтому его мать не могла не чувствовать себя уязвленной, видя как ее сын постепенно отвергает ее руководство в вопросах, имевших отношение к его жизненному пути. И с течением лет пропасть непонимания увеличивалась. Всё меньше Мария была способна понять значение миссии Иисуса, и всё сильнее эта добрая мать переживала из-за того, что любимый сын не оправдывает ее сокровенных надежд.

Иосиф всё больше верил в духовный характер миссии Иисуса. И поэтому, уже не говоря о других и более важных причинах, воистину печально, что он не дождался того времени, когда сбылось его представление о посвящении Иисуса на земле.

В течение своего последнего года учебы в школе Иисус, которому исполнилось двенадцать лет, убедил своего отца отказаться от еврейского обычая прикасаться к куску пергамента, прибитому к дверному косяку, при каждом входе и выходе из дома и целовать палец, коснувшийся пергамента. Этот обычай сопровождался словами: «Господь будет хранить нас в походах и возвращениях, отныне и вовек». Иосиф и Мария не раз просили Иисуса не делать изваяний и рисунков, объясняя, что они могут быть использованы в целях идолопоклонства. Хотя Иисус так и не смог понять их запретов на изваяния и рисунки, у него было очень хорошее представление о логике, вследствие чего он указал своему отцу на принципиально идолопоклоннический характер ритуального поклонения пергаменту на дверном косяке. После этого возражения Иисуса Иосиф снял пергамент.

Со временем Иисус сделал многое для того, чтобы изменить формы выражения их религиозных чувств — семейных молитв и других обычаев. Многие подобные вещи были возможны в Назарете, ибо назаретская синагога находилась под влиянием либеральной школы раввинов, примером для которой служил известный назаретский учитель Иос.

На протяжении этого и двух последующих лет Иисус испытывал сильные душевные страдания из-за постоянных попыток совместить собственные взгляды на религиозные обычаи и нормы общественного поведения с укоренившимися верованиями своих родителей. Его смущало противоречие между стремлением быть верным своим собственным убеждениям и осознанной необходимостью

покорно подчиняться родителям; и величайшее противоречие заключалось в столкновении двух заповедей, имевших преобладающее значение для его юношеского разума. Первая гласила: «Следуй велениям твоих высших

представлений об истине и праведности». В другой говорилось: «Почитай отца своего и мать свою, ибо они дали тебе жизнь и воспитали тебя». Тем не менее Иисус никогда не уклонялся от ежедневной обязанности необходимого согласования верности собственным убеждениям и обязательств по отношению к своей семье, и он получал удовлетворение от всё более гармоничного объединения личных убеждений и семейного долга в искусное претворение идеи групповой солидарности, основанной на верности, справедливости, терпимости и любви.

5. ЕГО ТРИНАДЦАТЫЙ ГОД (7 ГОД Н. Э.)

В этом году завершилось детство назаретского подростка и начался период возмужания; ломка голоса, а также другие особенности его разума и тела, свидетельствовали о приближении периода возмужания.

В воскресенье вечером, 9 января 7 года н. э., родился самый младший из его братьев, Амос. Иуде не было и двух лет, а маленькая Руфь еще не родилась; поэтому через год, после трагической смерти его отца, на плечах Иисуса осталась большая семья малолетних детей.

Примерно в середине февраля Иисус-человек обрел уверенность в том, что ему суждено выполнить на земле миссию, связанную с просвещением человека и раскрытием Бога. Судьбоносные решения, вместе с далеко идущими планами, созревали в сознании этого юноши, который внешне являлся обычным еврейским подростком из Назарета. Зачарованная и изумленная, разумная жизнь Небадона следила за тем, как всё это начало раскрываться в мыслях и действиях сына плотника, превратившегося теперь в юношу.

В первый день недели, 20 марта 7 года н. э., Иисус закончил курс обучения в местной школе при назаретской синагоге. Это был знаменательный день в жизни любой честолюбивой еврейской семьи — день, когда первенец провозглашался «сыном закона» и искупленным первородным сыном Господа Бога Израиля, «дитя Всевышнего» и слугой Господа всей земли.

На предыдущей неделе, в пятницу, Иосиф вернулся из Сепфориса, где он руководил строительством нового общественного здания, чтобы присутствовать на радостном событии. Учитель Иисуса твердо верил в то, что этого толкового и прилежного ученика ждут великие дела, важная миссия. Несмотря на все неприятности, вызванные бунтарскими наклонностями Иисуса, старейшины чрезвычайно гордились юношей и уже начали составлять планы, которые позволили бы ему отправиться в Иерусалим для продолжения образования в знаменитых иудейских академиях.

Слушая периодические обсуждения этих планов, Иисус всё больше укреплялся в мысли о том, что он никогда не поедет в Иерусалим для получения образования под началом раввинов. Но он и не подозревал о нависшей над ними трагедии, положившей конец всем подобным планам и заставившей взять на себя

ответственность за обеспечение и руководство большой семьей, которая вскоре уже насчитывала пятерых братьев и трех сестер, мать и его самого. Иисус приобрел более обширный и продолжительный опыт содержания семьи, чем это выпало на долю Иосифа, его отца. И ему действительно была по силам задача, поставленная им впоследствии перед собой: стать мудрым, терпеливым, отзывчивым и умелым

учителем и старшим братом для этой семьи — своей семьи, столь внезапно потрясенной горем и столь неожиданно осиротевшей.

6. ПОЕЗДКА В ИЕРУСАЛИМ

Достигнув порога зрелости и завершив образование в синагогальных школах, Иисус получил право отправиться в Иерусалим вместе со своими родителями для празднования своей первой Пасхи. В том году праздник Пасхи пришелся на субботу, 9 апреля 7 года н. э. Рано утром в понедельник, 4 апреля, большая группа жителей Назарета (103 человека) приготовилась отправиться в Иерусалим. Они двинулись на юг, в направлении Самарии, однако, достигнув Изреельской долины, повернули на восток и, обогнув гору Гелвуй, вышли к долине Иордана, дабы избежать прохождения через Самарию. Иосиф и его семья с удовольствием пошли бы через Самарию, минуя колодец Иакова и Вефиль, но ввиду того, что евреи предпочитали не иметь дел с самаритянами, они решили отправиться вместе со своими соседями через Иорданскую долину.

Внушавший страх Архелай был уже низложен, и они могли безбоязненно взять Иисуса с собой в Иерусалим. Прошло двенадцать лет после того, как первый Ирод пытался уничтожить вифлеемского младенца, и теперь уже никто бы не подумал связать тот случай с этим неизвестным юношей из Назарета.

Вскоре — еще до того, как они достигли Изреельского распутия, — по их левую руку осталось древнее селение Сунем, и Иисус в очередной раз услышал рассказ о прекраснейшей из девушек Израиля, которая некогда жила здесь, а также о чудесах, сотворенных здесь Елисеем. Проходя через Изреельскую долину, родители Иисуса вспоминали о деяниях Ахава и Иезавели и о подвигах Ииуя. Обходя гору Гелвуй, они много говорили о Сауле, который покончил с собой на склонах этой горы, о царе Давиде и о тех событиях, которые были связаны с этим историческим местом.

Огибая основание Гелвуя, паломники могли видеть справа греческий город Скифополь. Они глядели на мраморные строения, держась на расстоянии и не приближаясь к языческому городу — в противном случае они осквернили бы себя настолько, что не смогли бы принять участие в священных ритуалах Пасхи в Иерусалиме. Мария не могла понять, почему ни Иосиф, ни Иисус не хотели говорить о Скифополе. Она не знала об их прошлогодней размолвке, ибо они никогда не рассказывали ей об этом случае.

Начался спуск в тропическую Иорданскую долину, и вскоре восторженному взору Иисуса предстал извилистый, петляющий Иордан, несущий свои сверкающие и журчащие воды к Мертвому морю. Они сняли верхние одежды и продолжили путь на юг по этой тропической долине, любуясь роскошными хлебными полями и прекрасными олеандрами с их розовым цветением, а далеко на севере возвышался покрытый снежной шапкой Ермон, величественно взирая на эту историческую долину. Они миновали Скифополь и спустя немногим более трех часов пути набрали на журчащий ручей, где расположились на ночлег под звездным небом.

На второй день они прошли мимо того места, где Иавок впадает с востока в Иордан, и, глядя на восток, в долину этой реки, они вспоминали времена Гидеона, когда мадианитяне наводнили эту местность, чтобы захватить ее. К концу второго дня они остановились у основания самой высокой горы, возвышавшейся над Иорданской долиной, — горы Сартаба; на ее вершине находилась Александрийская

крепость, в которую Ирод заточил одну из своих жен и где он похоронил двух задушенных сыновей.

На третий день они миновали два селения, недавно построенные Иродом, отметив их великолепную архитектуру и прекрасные пальмовые сады. К ночи они добрались до Иерихона, где оставались до утра. В тот вечер Иосиф, Мария и Иисус прошли полторы мили до того места, где когда-то находился древний Иерихон и где, согласно еврейскому преданию, Иешуа — в честь которого был назван Иисус — совершил свои знаменитые подвиги.

К четвертому — последнему — дню пути дорога превратилась в сплошной поток паломников. Вскоре начался подъем на холмы, ведущие к Иерусалиму. С приближением к вершине их взгляду представляли дальние горы, поднимавшиеся далеко за Иорданом, а на юге открывалась земля, лежавшая за стоячими водами Мертвого моря. На полпути к Иерусалиму Иисус впервые увидел Елеонскую гору (которой предстояло сыграть столь значительную роль в его последующей жизни), и Иосиф сказал ему, что Священный город лежит сразу же за этим гребнем. И сердце подростка сильно забило в радостном ожидании скорой встречи с городом и домом его небесного Отца.

Они устроили привал на восточном склоне Елеонской горы, у небольшой деревушки под названием Вифания. Гостеприимные жители деревни всей гурьбой высыпали навстречу, чтобы услужить паломникам, и случилось так, что Иосиф и Мария остановились рядом с домом некоего Симона, у которого было трое детей в возрасте Иисуса — Мария, Марфа и Лазарь. Они пригласили назаретскую семью передохнуть в их доме, и с этого началась длившаяся всю жизнь дружба двух семей.

Впоследствии Иисус не раз останавливался в этом доме в течение своей богатой событиями жизни.

Они устремились вперед и вскоре уже стояли на гребне Елеонской горы, и Иисус впервые (на своей памяти) увидел Священный город, пышные дворцы и вдохновляющий храм его Отца. За всю свою жизнь Иисус никогда не испытывал такого же чисто человеческого восторга, как тот, который охватил его в этот апрельский день на Елеонской горе, когда он впервые наслаждался панорамой Иерусалима. Пройдет время, и он будет стоять на том же месте и плакать о городе, которому предстояло отвергнуть еще одного пророка, — последнего и величайшего из небесных учителей.

Но они поспешили вперед, к Иерусалиму. Это было в четверг пополудни. Войдя в город, они миновали храм, и никогда еще Иисус не видел такого скопления людей. Он сосредоточенно думал о том, как эти евреи смогли прибыть сюда из самых дальних уголков известного мира.

Вскоре они достигли места, заранее подготовленного в качестве их пристанища на время Пасхальной недели. Это был большой дом состоятельного родственника Марии — того, который с самого начала знал от Захарии как об Иоанне, так и об Иисусе. На следующий день — день приготовлений — они подготовились к должному празднованию Пасхальной субботы.

В то время как весь Иерусалим возбужденно готовился к Пасхе, Иосиф нашел время, чтобы показать своему сыну город и посетить академию, в которой тот должен был продолжить свое образование двумя годами позже, сразу же по достижении необходимого пятнадцатилетнего возраста. Иосиф был не на шутку встревожен, заметив, сколь мало интересовали Иисуса все эти тщательно продуманные планы.

Храм, а также все связанные с ним службы и другая деятельность произвели на Иисуса глубокое впечатление. Впервые с тех пор, как ему исполнилось четыре года, он был слишком погружен в собственные мысли, чтобы засыпать других вопросами. И всё-таки он (как и в предыдущих случаях) задал отцу несколько

трудных вопросов о том, почему небесный Отец требовал убийства столь многих невинных и незащитных животных. И, видя выражение лица мальчика, Иосиф прекрасно понимал, что его ответы и попытки дать какое-то объяснение не удовлетворили его глубокомысленного и сообразительного сына.

Накануне Пасхальной субботы волны духовного озарения прокатились через смертный разум Иисуса и до предела наполнили его человеческое сердце жалостью к духовно слепым и морально невежественным толпам, собравшимся на

празднование древней Пасхи. Это был один из самых удивительных дней, проведенных Божьим Сыном во плоти. И в течение этой ночи, впервые за всю смертную жизнь Иисуса, к нему явился направленный Эммануилом полномочный посланник из Салвингтона, который сказал: «Пробил час. Тебе пора заняться делом своего Отца».

Так, еще до того, как на эти молодые плечи пал тяжкий груз ответственности за назаретскую семью, прибыл небесный посланник, чтобы напомнить этому юноше, которому еще не исполнилось тринадцати лет, о том, что настало время возобновить свои обязательства перед вселенной. Это явилось первым действием в длинном ряду событий, кульминацией которых стало завершение посвящения Сына на Урантии и повторное возложение «управления вселенной на его богочеловеческие плечи».

Со временем тайна инкарнации становилась для всех нас всё более непостижимой. В наше сознание не укладывался тот факт, что этот назаретский юноша является создателем всего Небадона. Так и сегодня мы не понимаем, каким образом дух того же самого Сына-Создателя и дух его Райского Отца соединяются с душами людей. Постепенно мы видели, как его человеческий разум всё лучше осознавал, что в то время, как он жил во плоти, в духе на его плечах лежала ответственность за свою вселенную.

Так завершается путь назаретского подростка и начинается рассказ о юноше, всё глубже осознающем себя богочеловеком, который уже начинает обдумывать свой путь в мире и пытается совместить раскрывающуюся цель своей жизни с желаниями родителей и обязательствами по отношению к своей семье и своим современникам.